РАЗДЕЛ 6. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кошман В. И.

Институт истории НАН Беларуси, Минск

Koshman V.

Institute of History of the National Academy of Sciences, Minsk

УДК 902:94(47)«1812»

ПЕРЕПРАВА АРМИИ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ Р. БЕРЕЗИНУ И АРХЕОЛОГИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ 26–29.11.1812 ГОДА В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012–2017 ГОДОВ

CROSSING THE RIVER OF BEREZINA AND ARCHAEOLOGISATION OF THE EVENTS OF THE 26–29TH 1812 IN THE LIGHT OF INVESTIGATIONS IN 2012–2017

В статье представлены данные по археологическому изучению места переправы через р. Березину 26–29.11.1812 г. отступающей Великой Армии Наполеона. Особое внимание уделяется примерам археологизации объектов, которые отождествляются именно с событиями переправы и отражают трагическую историю участников отступления.

Ключевые слова: война 1812 г.; переправа; археологическое изучение; бивуак.

The article presents information about the archaeological study of the crossing point across the river of Berezina on 26–29.11.1812 retired the Great Army of Napoleon. Particular attention is paid to examples of archaeologisation of the objects that were identified with the events of the crossing and shows the tragic history of retreat participants.

Keywords: war of 1812; river crossing; archaeological research; bivouac.

«Наполеоновские войны» начала XIX в. вошли в историю Западной и Восточной Европы в виде крупнейших сражений и военных походов, в которых приняли участие десятки наций Европы. В боях были опробованы новые подходы и методики к их ведению, взаимодействию различных родов войск, масштабному и достаточно унифицированному выпуску оружия и снаряжения, разработке логистики снабжения и передвижения тысячных армий. Масштабные и кровопролитные сражения привели к значительному изменению демографического европейского потенциала. Данные события почти сразу стали объектами пристального внимания историков, мемуаристов и художников.

В то же время следует констатировать, что внимание археологов к событиям военной истории XIX в. было крайне недостаточным. Данный факт находит свое объяснение в том, что археологическое исследование событий XVIII–XX вв. в виде полей битв, мест бивуаков, переправ и т. д. не воспринималось научным сообществом как полноценное фундаментальное научное направление. Отметим, что в последнее время данный подход коренным образом меняется, и именно археологические исследования масштабных военных конфликтов эпохи Сред-

невековья, Нового и Новейшего времени получили новый импульс развития.

Тема войны 1812 г. для истории белорусских земель, уже включенных в состав Российской империи, в настоящий момент разрабатывается рядом ведущих историков (А. М. Лукашевич, И. А. Груцо и др.), однако попытка «археологического взгляда» на события 1812 г. в Беларуси предпринята впервые. Так, начиная с 2012 г. на р. Березина, в районе д. Студёнка и Брили Борисовского района, проводились масштабные археологические исследования, которые ставили целью получить реальную «материальную» информацию о трагических событиях, которые происходили на этом месте в конце ноября 1812 г. В проведении исследований приняли участие археологи Института истории НАН Беларуси (2012–2017 гг.), французские археологи из Национального института превентивных археологических исследований (INRAP) (2012 г.), археологи РАН (А. Н. Хохлов, 2013 г.), представители Центра Наполеоновских исследований (Франция) (2012–2017 гг.), дайверы клуба «Морской Пегас» (Минск) (2015–2017 гг.), археологи-дайверы отдела подводной археологии (CASA) Свободного университета Брюсселя (2017 г.).

Основными целями работ 2012–2017 гг. являлись:

1) планомерное изучение микрорегиона и его археологического составляющего;

2) археологическое изучение места переправы, стоянки и боя Великой Армии Наполеона 26–29.11.1812 г.

3) поиск археологических объектов, которые можно отождествлять с событиями 1812 г. (остатки мостов, бивуаков, мест массовых погребений, локализации д. Студёнка начала XIX в.);

4) оценка перспективности подводных исследований и подводное изучение места переправы.

При археологических работах применялись различные археологические методики исследования (таблица 1):

1) археологическое изучение раскопами/траншеями/шурфами с ручным послойным снятием культурных напластований, изучением стратиграфии и планиграфии, фиксацией находок на плане;

2) археологическое изучение диагностическими траншеями с механизированным снятием грунта тонкими прослойками, фиксацией и изучением объектов, поиском археологических артефактов (методика INRAP);

3) археологическое изучение местности визуальным обследованием, поиском и сбором подъемного материала (в том числе и с помощью металлодетектора) и его фиксацией;

4) подводное изучение прибрежной полосы р. Березина, ее русла и притоков в районе расположения мостов и движения войск.

В результате данных работ получена коллекция археологических артефактов в количестве около 2700 экз. Подавляющее количество артефактов относится к событиям 1812 г., однако коллекция характеризуется и презентативностью артефактов начиная с периода неолита/бронзового века и до Первой мировой войны.

Касаясь в данной статье исключительно событий 26–29 ноября 1812 г., следует отметить, что для исследователей эти события представляют большой интерес, так как «археологизация» артефактов и объектов произошла в крайне ограниченный и строго определенный момент времени. Строго говоря, археологи имеют дело с своеобразной «археологией катастрофы» со своим специфическим набором артефактов и объектов. Здесь нет классического для археологии понятия «культурный слой», а речь идет о множестве артефактов, которые «выпали» в окружающую природную среду (почву полей, лесов, воды рек

Таблица 1

Археологические исследования в районе переправы армии Наполеона через р. Березину

Год исследования	№ диагностической траншеи, исследованная площадь	Шурфовка, раскопки, исследованная площадь	Исследованная площадь, всего	Место проведения археологических работ	Руководитель работ
2002		36 м ² , 2 м ² + раскопки кургана	Около 50 м ²	пойма правого берега р. Березины около д. Брили; д. Студёнка	О. В. Иов
2012	№ 1–15 1983,75 м ²	24 м ²	2007,75 м ²	д. Студёнка; акватория р. Березины (подводные работы)	В. И. Кошман
2013	№ 16–22 1100 м ²	16 м ²	1116 м ²	д. Студёнка	В. И. Кошман
2014	№ 23–36 370,7 м ²		370,7 м ²	д. Студёнка; правый берег р. Березины (Стаховский лес, Брилёвское поле)	В. И. Кошман
2015	№ 37–40 276,4 м ²		276,4 м ²	д. Студёнка; прибрежная полоса левого и правого берега р. Березины (в т. ч. подводные работы)	В. И. Кошман
2016	№ 41–47 144 м ²		144 м ²	д. Студёнка; пойма правого берега р. Березины (в т. ч. подводные работы)	В. И. Кошман
2017	Подводные работы		Около 10 м ²	акватория р. Березины; прибрежная полоса левого и правого берега р. Березины	В. И. Кошман

и озер, иногда в культурные напластования городов, местечек и деревень) или были целенаправленно сокрыты тем или иным образом при чрезвычайных обстоятельствах. Нахождение этих артефактов указывает на условия их археологизации, которая хронологически соответствует конкретному историческому катаклизму.

Не вдаваясь подробно в историографический экскурс о характере военного события на р. Березина в конце ноября 1812 г., многократно описанного военачальниками, мемуаристами, историками и пр., в настоящее время преобладает точка зрения о стратегической победе Наполеона на р. Березина и достаточно успешной военной операции, которая, тем не менее, явилась «пирровой победой». Масштабные людские потери, которые были связаны с боями, переправой и дальнейшим отступлением Великой Армии в конце ноября – декабре 1812 г., до настоящего времени внушают ужас и демонстрируют масштабность и трагизм тех далеких событий. По различным оценкам общее количество убитых, утонувших и замерзших на р. Березине 26–29.11.1812 г. составило от 10 до 50 тысяч человек.

Использование д. Студёнка, д. Брили и их окрестностей в качестве места кратковременного пребывания нескольких десятков тысяч людей, путь переправы по болотистой пойме правого берега р. Березины, а также военные стычки 27–29.11.1812 г. на обеих сторонах р. Березины, безусловно, повлекли «выпадение» множества артефактов (пули, картечь, ядра, элементы вооружения и амуниции, бытовые предметы и т. д.). Отличительные особенности артефактов «французского» происхождения, в первую очередь в амуниции, в совокупности с неархеологическими источниками позволяют более адекватно и достоверно проводить широкие исторические реконструкции.

Письменные источники «рисуют» достаточно апокалиптическую картину места после переправы в д. Студёнка («...поле и река так завалены мертвыми телами и лошадьми, что местами можно было по ним идти через реку») (конец ноября 1812 г.) [1, с. 391]; «... река вверх и вниз по течению заполнена была не только трупами людей и мертвыми лошадьми, но и массой других предметов, какие всегда бывают при армии; уже зимой вырубали изо льда и откапывали из снега людей и всякую добычу: в окрестных лесах находили невероятное количество трупов ... при них оказывалось много ценностей в виде часов, денег, орденских знаков, оружия, эполет и т. п. особенно много этих вещей было найдено мужиками ... но они должны были отдать все найденное своим господам. И сам он, майор, во время своего пребывания и работы на этом берегу извлёк из воды

множество чемоданов, сундуков, ранцев, ящиков и т. п. У него оказались большие запасы оружия, седел, сбруи... Этот майор добыл из реки даже пушки и всякого рода экипажи и знал про места, где их еще больше лежит в болоте и на дне реки.. В чемоданах, сундуках и т.п. он нашёл серебро в плитках и слитках, ...золото, драгоценные камни... Его солдаты не могли удержаться, чтобы не показать нам также часов, колец, золотых и серебрянных монет, одежды и т. п. находившихся в их владении. Мне майор подарил шпагу, саблю и английское седло. Отсюда мы объехали окрестности и видели массу остатков оружия, ключья одежды и особенно много касок, шляп, шапок и т. п., а также бумаг, книжек, карт, планов. Я нашёл офицерские патенты, свидетельства о смерти в тех частях войск, к которым я принадлежал; два года спустя я передал все это в наше посольство в Петербурге...» (весна 1813 г.) [2, с. 155–156]; «...в этой деревне при входе в неё, бросалось в глаза во множестве валявшиеся на земле куски кожи, сукна, войлока. На берегу же реки на большом пространстве нога проваливалась в смесь костей людей и животных, разных обломков жести и других металлов. Ясно обозначились места мостов, а также путь через долину к дер. Брили. На месте главного моста образовался островок, поросший “травой забвения” и незабудками; для его образования послужили трупы и провалившиеся предметы, занесённые илом. Всюду валялся шанцевый инструмент, всевозможные воинские предметы. Болотистая долина правого берега, шириной сажень в триста, также была покрыта обломками, то местами виднелись более крупные предметы» (примерно 1823 г.) [3, с. 618]. Такого рода описания – это только маленькая толика воспоминаний о великой трагедии людей и примеры археологизации огромного количества артефактов, которые «выпали» в почву и воду и создали тот неповторимый археологический контекст событий переправы 26–29 ноября 1812 г.

Важнейшими объектами археологизации событий переправы будут являться массовые захоронения, однако, к сожалению, несмотря на их кажущуюся очевидность и даже прямое документальное указание на их организацию, до настоящего времени в окрестностях д. Студёнка, д. Брили и Стаховского леса не выявлены. Данному феномену будет посвящена отдельная статья.

Работы различного рода и характера, связанные с поиском “кладов” и отдельных артефактов 1812 г. в окрестностях д. Студёнка, д. Брили, «Стаховского леса», «Брилёвского поля», стали проводиться с завидной регулярностью начиная с весны 1813 г. Безусловно, говорить о какой-либо научной основе подобных работ не приходится. Находки поступали в частные помещи-

чьи «коллекции древностей», в лучшем случае информация о находках попадала на страницы печати или сами находки передавались в музейные фонды. В абсолютном большинстве случаев артефакты событий 1812 г. стали объектом коллекционирования, а также обмена и купли-продажи. В процессе этих работ использовался как «индивидуальный чёрный поиск» (в последние 20 лет с помощью металлодетекторов), так и использование тяжелой техники (землечерпальные машины при работах в р. Березина, 1896, 1960 гг.). Использованные методики нельзя считать научными, поскольку в ходе предпринятых работ наносился непоправимый урон историческому ландшафту местности, где происходили величественные и трагические события переправы, а извлеченные многочисленные артефакты имеют крайне относительную привязку.

Масштабные работы по сбору материальных свидетельств переправы на р. Березина были предприняты в начале XX в. борисовским помещиком И. Х. Колодеевым. Будучи большим любителем истории военной кампании 1812 г., он провел раскопки на левом берегу реки в д. Студёнка. Отчеты о проделанной работе до настоящего времени не опубликованы и даже неизвестно, сохранились ли они. Определённое представление о масштабе и результатах проведенного исследования дают материалы статьи 1926 г. [4]. Ее автор утверждал, что И. Х. Колодеев за свои средства провел широкомасштабное исследование русла Березины. С помощью системы запруд им был отгорожен от основного русла реки болотистый участок левого берега в том районе, где предположительно строились наполеоновские мосты. Далее с помощью землечерпалки отгороженный участок был перекопан, что позволило извлечь на поверхность около тонны различного снаряжения и предметов, утерянных в ходе переправы.

К сожалению, объем статьи не позволяет в полной мере остановиться как на описании всех полученных артефактов, так и особенностей всех выявленных объектов. В данном случае уделим внимание наиболее выразительным примерам археологизации событий конца ноября 1812 г., а также объектам, которые, по нашему мнению, представляют наибольший интерес.

Археологическими исследованиями 2012–2017 гг. охватывалась территория, непосредственно отождествляемая с расположениями мостов через р. Березина, с одним из эпизодов боя и бивуаков (?) (диагностические траншеи № 1–12), с местами бивуаков и предполагаемого кладбища XVII–XVIII вв. (диагностическая траншея № 13), с местом расположения «старой Студёнки», местами бивуаков и предполагаемого места массового захоронения жертв 1812 г. (диагностические

траншеи № 14–22, 28–29, 34–47), предполагаемого направления дороги и мест массовых захоронений жертв 1812 г. (диагностические траншеи № 23–27, 30–33). С помощью металлодетекции и подводных археологических работ (поиск в местах аномалий и промывка донных отложений через ячеистое сито с помощью помпы) осуществлялись локальные археологические работы с фиксацией и сбором артефактов по заболоченной пойме и речным притокам на правом берегу р. Березины с целью изучения конкретных путей движения переправившихся войск. Кроме того, были осуществлены точечные поисковые работы на месте возможной локализации бивуаков гвардии Наполеона вблизи дороги на д. Зембин и предполагаемой ставки Наполеона на хуторе Занивки, а также на Брилёвском поле.

В 2012 г. в целях изучения наличия/отсутствия культурных напластований и собственно остатков деревянных конструкций в районе Верхнего моста была исследована траншея. Этот мост интересен тем, что именно им воспользовался Наполеон для перехода через Березину 27 ноября 1812 г. Среди находок представлены различные пуговицы подразделений Великой армии (21 экз.) (подавляющая их часть принадлежала к т.н. «гетровым»), а их концентрация в районе вероятного нахождения Верхнего моста указывает на большое скопление людей и давку в районе переправы), свинцовые пули, картечь, пряжки и т. д. При зачистке материка выявлены контуры двух объектов (столбовые ямы), которые по стратиграфическим параметрам можно связать с напластованиями и событиями 1812 г. Объектов, которые бы прямо указывали на материальные остатки моста (подходы к мосту), к сожалению, не выявлено. Но это и не удивительно, так как временный характер моста («на козлах»), который сооружался сапёрами Эбле и просуществовал в полуразрушенном состоянии до весны 1813 г., по-сути, крайне проблематичен для выявления. Но вот концентрация находок в береговой линии, а именно находок гетровых пуговиц, на наш взгляд, и является прямым свидетельством если не «входа» на мост, то его непосредственной близости. Многие воспоминания содержат информацию о давке и сумятице вблизи мостов, в особенности в последний день переправы («...только сильная лошадь и крепкая посадка спасали от смерти. Люди, обвешанные со всех сторон вещами, теряли всё, даже у пешех обрывались все пуговицы на мундирах») [5, с. 113].

Разработка траншеи в 2013 г. в районе «Нижнего моста», к сожалению, не принесла ожидаемого результата. Единственной находкой, которая уверенно связывалась с событиями 1812 г., оказалось массивное железное стрема.

Представительный материал 1812 г. был получен в диагностических траншеях № 11–12, которые размещались на некотором удалении от ул. Береговой, в достаточно сильно заболоченной местности (железное ядро, железные ружейные курки, огниво, ружейные болты и винты, свинцовые обоймы для удерживания кремня, свинцовые пули, отвертки, железный крепеж оси обоза и др.). Появление данных предметов на этом заболоченном пространстве следует объяснять тем, что в период переправы было достаточно сильное нагромождение транспорта и людей на подходе к мостам, а также тем, что ноябрьские морозы сделали доступными это пространство.

В дальнейшем разработка диагностических траншей была перенесена на возвышенности, которые господствуют над д. Студёнка и р. Березина. В траншее № 13 были исследованы 8 объектов, которые интерпретировались как остатки хозяйственно-бытовых и столбовых ям и которые, видимо, маркируют на данной территории остатки бывшей застройки деревни, но из более 200 находок в траншее только 2 свинцовые пули связываются с событиями 1812 г., но они находились вне исследованных объектов. Диагностические траншеи № 23–33 размещались в овраге, который разделяет поле с т.н. «швейцарским памятником», и поле с траншеями № 14–22, 28–29, 34–47. Целью данного поиска являлось предположение о прохождении через данный овраг дороги, которая могла существовать в этой ложбине и по которой часть войск Великой армии могла направляться к переправе на мосты. Предполагалось, что достаточно высокие склоны холмов по обеим сторонам «дороги» могли использоваться в конце зимы – начале весны 1813 г. для обустройства массовых погребений жертв переправы, боя и обстрелов. По результатам разработки траншей № 23–33 можно говорить о том, что овраг является результатом земляных работ начала XX в., и, соответственно, следов захоронений жертв событий 1812 г. в этом месте не выявлено. Более того, артефакты периода 1812 г. здесь совершенно единичны и, скорее, являются результатом естественной «миграции» с более возвышенных участков.

Диагностические траншеи № 14–22, 28–29, 34–47 разрабатывались на склоне холма. Данная возвышенность являлась знаковой в истории переправы 1812 г. – именно на ней могло располагаться основное количество войск, стоявших бивуаками и концентрировавшихся перед переправой. Анализ мемуарных и картографических источников также указывал и на близость расположения «старой Студёнки». Стремление исследовать данную территорию основывалось на предположении, что эта возвышенность наи-

лучшим образом соответствовала фотографии С. М. Прокудина-Горского (1911 г.) с изображением склона возвышенности, на котором явно просматриваются каменные кресты и камни, очевидно надмогильные, а также деревянный крест на ее вершине [6]. Подпись «кладбище павших в бою у деревни Студёнка» склонила ряд исследователей к однозначной интерпретации данного фото, а натурный поиск «приводил» к этой возвышенности на северной оконечности современной д. Студёнка. В результате исследований никаких следов погребений не выявлено. Тем не менее, благодаря данным работам были зафиксированы разновременные объекты, которые однозначно были отнесены нами к остаткам курганных погребальных насыпей XI–XII вв. (части околоскурганых ровиков + типичные находки XI–XII вв.), объектам «старой Студёнки» и объектам 1812 г., чья «археологизация» произошла в чрезвычайно краткий временной промежуток – 26–29 ноября 1812 г.

Основная масса находок и объектов, связанных с существованием отдельных элементов застройки д. Студёнка и собственно объектов 1812 г., была выявлена в южных частях траншей № 20, 34–47. Были зафиксированы как следы жилой застройки «старой Студёнки» (остатки жилой постройки с отопительным сооружением), так и следы бивуака, который размещался на территории одной из усадеб. Археологическое изучение участка принесло представительную коллекцию артефактов 1812 г. (фрагменты стеклянной и керамической посуды, походных котелков, свинцовые пули, разнообразные изделия из железа, цветного металла и пр., пуговицы 1-го полка пешей артиллерии и обоза, концентрация гвардейских пуговиц, 30-го линейного полка, 9-го кирасирского полка, а также печать и фрагменты циркулей и т. д.). Представляется, что здесь мы имеем дело с одним из первых бивуаков, который принадлежал артиллеристам, а имеющаяся возвышенность вкуче с выявленным материалом вполне может претендовать на ее отождествление с местом, описанным Коленкуром 26.11.1812 г. («Он (Наполеон. – В. К.) осмотрел берега Березины и приказал разместить большие артиллерийские силы на занятом нами берегу, который господствует над противоположным берегом и над окаймляющими его болотами во всю их ширину, достигающую 200–300 туазов») [7]. Не будет большой фантазией и предположение о том, что место ночевки Наполеона в д. Студёнка с 26 на 27 ноября также находилось где-то поблизости. В воспоминаниях Кастелана содержится следующая информация: «...наша артиллерия, построившись в батарею перед помещением императора, довольно удачно стреляет по казачьим эскадронам...» [8]. Офи-

цер Россле также свидетельствует, что «...придя на рассвете в деревушку Студянку, мы расположились на небольшой возвышенности, господствовавшей на довольно близком расстоянии над Березиной. Артиллерия поместилась с нами там же, и был повторен приказ не допускать никого удаляться с места» [9].

Гвардия как наиболее ценная и боеспособная единица армии Наполеона всегда находилась при нем и при занятии населенных пунктов всегда занимала наиболее сохранившиеся постройки. Представительная коллекция гвардейских пуговиц с этого места указывает и на их пребывание поблизости с артиллеристами, по крайней мере до полудня 27 ноября. По свидетельству Коленкура, «...гвардия и обозы перешли через Березину днем 27-го и заняли позиции в Брилях, на противоположном берегу». В соседних траншеях, кроме многочисленных находок изделий из железа, цветного металла, глины, стекла, была выявлена представительная коллекция бутонистического материала (1-й польский пехотный полк из контингента Великого герцогства Варшавского, 6-й шеволежерский полк, 57-й полк линейной пехоты, 61-й полк линейной пехоты, 1-й полк пешей артиллерии, 1-й батальон артиллерийского обоза, гладкие и плоские пуговицы без обозначений и т. д.), изделие из кожи, бомба, штык от ружья AN-IX и т. д.

Крайне интересной является остеологическая коллекция, в которой выделены кости мелкого рогатого скота, свиней, коров и лошадей, причем почти все они имели следы воздействия огня. Анатомический состав костей указывает на разбор туш на месте, когда гастрономически малозначительные части не использовались в пищу. Примечательно то, что в скоплении костей и был найден штык, на котором, вероятно и происходила обжарка мяса на костре. Данное предположение находит свое отражение в многочисленных воспоминаниях ночевки войск Наполеона в д. Студёнка: «...я еду для того, чтобы лично содействовать их переправе, потому что, как я думал, мосты должны быть очень загромождены. Я поскакал туда галопом, но каково же было мое изумление, когда я нашел их совершенно пустыми. Никто не переходил через них в ту минуту, между тем как в 100 шагах отсюда при ярком лунном свете я заметил более 50 000 солдат, отсталых или отделившихся от своих полков, так называемых жарильщиков. Люди эти, спокойно сидя перед огромными кострами, готовили жаркое из конины, нимало не беспокоясь тем, что находились перед рекой, переправа через которую на следующий день могла стоить жизни многим из них, между тем как сейчас они в несколько минут могли бы без всяких препятствий перейти ее и

на том берегу закончить приготовления к своему ужину...» [10]; «...По ближнему полю шатались толпами французы. Одни кое-где разводили огонь и садились к нему, другие резали у лошадей мясо и глодали их кости, жарили его, ели сырым...» [11]. Примечательно то, что на знаменитой панораме «Березина» В. Коссака крайне реалистично показан бивуак с приготовлением мяса на штыке винтовки и разделка туши лошади [12]. Несмотря на то, что данная масштабная картина была написана в 1895–1896 гг., автор крайне щепетильно подошел к ее созданию, включая не только тщательнейшее ознакомление с оружием, амуницией и пр., но и личное знакомство с местностью в районе д. Студёнка и д. Брили, что придало панораме крайнюю реалистичность. Не меньшей реалистичностью, безусловно, характеризуется и картина очевидца и участника переправы Я. Суходольского «Переход армии Наполеона через р. Березину».

Из «статусных» находок на приближенном к разрабатываемым траншеям отметим фрагмент крыла орла, который, видимо, представляет собой элемент навершия полкового знамени. Этот символ воинской чести представлял огромную ценность для любого воинского подразделения Великой Армии. Данная находка вносит важное дополнение в дискуссию о судьбе «французских орлов».

Интересная коллекция артефактов 1812 г. (бутонистический материал различных подразделений наполеоновской армии, свинцовые пули, киверная «чешуя», черепья ядер, ядра, бомба и т. д.) была получена в результате обследования левого берега старицы р. Березины на окраине д. Студёнка. Данная коллекция, по нашему мнению, отражает трагические попытки отдельных (разрозненных и дезорганизованных) участников переправы найти переход выше по течению р. Березины. Старица, которая в конце ноября 1812 г. уже должна была замерзнуть, стала местом, где толпились люди, теряя мелкие предметы амуниции, боеприпасы, конское снаряжение и т. д. Известно, что берега этой старицы неоднократно привлекали внимание «черных копателей», и, как нам известно, коллекции артефактов, полученные в результате масштабного поиска 1990-х – начала 2000-х гг., достаточно значительны и разнообразны. Из статусных находок следует отметить эфес латунной пехотной сабли (тесака). С правой стороны дужки оттиснуты клейма «В» (подполковник Simon Beumarez/инспектор завода с 24.09.1803 г.), «М» (Jean-Jacques Mouton/гражданский инспектор, председатель правления завода и первый контролер класса с 4 июля 1798 г. до 21 февраля 1809 г.). На устье (около отверстия для клинка) имеется клеймо «L» (François Louis

Lobstein, смотритель (редактор), «менеджер» мастерской в Версале с 15 июня 1804 г. по 27 июля 1821 г. / контролер 2-го класса). Сабля произведена на предприятии французской оружейной мануфактуры Клингенталь (Klingenthal) в Эльзасе, которая работала по государственным заказам с 1768 г. С 1801 г. и до прекращения деятельности в 1962 г. ею управляла семья Куло (Coulaux).

Единым комплексом возможно рассматривать саблю с фрагментированным клинком и ружейный ствол, которые были обнаружены лежащими вплотную друг к другу. От сабли сохранился выгнутый клинок длиной около 39 см и шириной 3–2,2 см. Ширина обуха – 0,6–0,3 см. Сохранилось перекрестье из полированной латуни с шаровидными окончаниями. Ширина перекрестья – 1–3,5 см. Длина рукояти – 11,5 см (заканчивается расклепкой, которая держала деревянную обкладку). На рукояти сабли были остатки деревянной рукояти с поперечно нарезанными бороздками. Под перекрестьем сохранилась кожанная подкладка. Елмань утрачена. Ширина пятки – 3,1 см. На обухе имеется надпись: «...e Klingenthal Coulaux frères Entrep» (Императорская мануфактура братьев Куло в Клингентале). На перекрестье клеймо «40», на рукояти имеются клейма «24» (очевидно, номер клинка), «В» (подполковник Simon Beumaretz/назначен инспектором завода с 24.09.1803 г.) (??? инициалы J.G. Bick, reviseur в 1809–24 гг.) + 2 слабоблагодаримых клейма. Длина ружейного ствола – 82 см, диаметр выходного отверстия – около 1,9 см. Имеется припаянный подшомпольник и прицел в виде трилистника из серебра (?). Клейма отсутствуют. Судя по всему, данный ствол является кавалерийским (из-за своей длины), а при очистке и реставрации ствола были выявлены свинцовая пуля, остатки бумажного пыжа и порох. Поиски аналогий двух последних предметов вооружения привели нас к мысли об их принадлежности мамелюкам, которые входили эскадроном в состав императорской гвардии. Это достаточно экзотическое подразделение, состоящее перед «русским походом» из кавказцев, крымских татар, арабов и сирийцев. Рота мамелюков (109 человек) перед «русской кампанией» являлась группой телохранителей Наполеона, которая сопровождала его и на парадах, и на полях сражений. Их вид

и вооружение разительно отличались от европейских. Так, они предпочитали сабли турецкого типа, а будучи конным подразделением они были вынуждены использовать укороченные варианты ружей. Примечательно то, что мануфактура в Клингентале изготовила только 82 изогнутых «мамелюкских» клинка. В данном случае мы имеем уникальный случай археологизации предметов вооружения крайне малого воинского подразделения.

Письменные свидетельства о переправе Наполеона, гвардии и обозов через р. Березину и занятие ими позиций в Брилях и хуторе Занивки (как временной «штаб-квартиры»), на наш взгляд, фиксируется находками характерных гвардейских пуговиц. В свою очередь наличие этих пуговиц напрямую свидетельствует о том, что и Наполеон был где-то рядом. В этом случае крайне показательны разведки на местности между д. Брили и Стаховским лесом (на поле, в районе поворота в д. Ляховку), когда нами был выявлен бивуак с присутствием гвардейских пуговиц, предметов вооружения и бытовых вещей. По имеющейся информации, находки гвардейских пуговиц на данной территории при «черном поиске» также не являлись редкостью.

Таким образом, район переправы через р. Березину многотысячным войском Наполеона до сих пор представляет прекрасную возможность разработки проблемы особенностей археологизации таких масштабных и одномоментных событий и их корреляции письменных и археологических источников. Примеров данной археологизации, безусловно, множество. Результаты работ 2012–2017 гг. показали перспективность исследований и оставляют надежду на решение большинства задач, поставленных перед собой исследователями. В то же время чрезвычайную обеспокоенность вызывает факт активности сотен «черных копателей» и «кладоискателей», которые, используя современное поисковое оборудование, буквально уничтожают следы как событий 1812 г., так и предыдущих эпох (железного века, эпохи Средневековья, Нового времени). Огромные коллекции, которые формируются за время таких нелегальных работ, к сожалению, служить полноценным историческим источником зачастую не могут.

Список использованных источников

1. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление / под ред. ген.-лейт. Д. А. Скалона. – СПб., 1902. – Т. VII, ч. 1. – 787 с.
2. Роос, Г. У. С Наполеоном в Россию. Воспоминания врача о походе 1812 г.: пер. с нем. / Г. У. Роос. – СПб., 1912 – 175 с.
3. Альбовский, Е. А. Клады на берегах Березины / Е. А. Альбовский // Исторический вестник. – 1898. – № 2. – С. 603–619.

4. Самцэвіч, В. Помнікі кампаніі 1812 г. у Барысаве / В. Самцэвіч // Наш Край. – 1926. – № 10–11 (13–14). – С. 46–48.
5. Лоссберг, Ф.-В. Письма вестфальского штаб-офицера / Ф.-В. Лоссберг. – М., ООО «Наследие», 2003. – 168 с.
6. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=731>. – Дата доступа: 13.09.2018.
7. Де Коленкур, А. Мемуары: поход Наполеона в Россию [Электронный ресурс]. – Москва АО «Скиф Алекс», 1994. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/caulaincourt/index.html>. – Дата доступа: 13.09.2018.
8. Из воспоминаний французского офицера Кастелана // Французы в России. 1812 год. – Москва, 1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/12n389.html – Дата доступа: 13.09.2018.
9. Из воспоминаний французского офицера Россле // Французы в России. 1812 год. – Москва, 1912. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/12n382.php. – Дата доступа: 13.09.2018.
10. Из воспоминаний французского офицера // Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев/ сост.: А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М.: Изд-во «Задруга», 1912. – Ч. 1–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/12n375.php – Дата доступа: 14.09.2018.
11. Из воспоминаний инженерного офицера армии Чичагова Мартоса // Нашествие Наполеона на Россию / Е. В. Тарле. – М.: Гиз, 1941. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/tarle1/part10.html>. – Дата доступа: 14.09.2018.
12. Электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1812db.simvolika.org/>. – Дата доступа: 15.09.2018.

Дата поступления: 14.09.2018

Купченко К. В.

Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленск

Kupchenko K.

Smolensk branch of The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Smolensk

Никитина Н. В.

Смоленский государственный университет, Смоленск

Nikitina N.

Smolensk state University, Smolensk

УДК 94(470)“16/18”

КОРПОРАЦИИ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭПОХИ XVIII – НАЧАЛА XX В.

CORPORATION OF MERCHANTS OF THE SMOLENSK REGION IN THE PERIOD OF THE NAPOLEONIC WARS. TO THE QUESTION ABOUT CITIES OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER AREA IN THE EXTREME ERA OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES

*В статье показано положение купеческих сословных корпораций в период военных действий лета-осени 1812 г. на территории Смоленской губернии, торгово-хозяйственное состояние региона в послевоенный период.¹
Ключевые слова: Смоленский регион; купеческое сословие; наполеоновские войны.*

Merchant class corporations showing situation in the period of warfares of the summer-autumn of 1812 on the territory of Smolensk province, trade-economic condition of the region in post-war period.

Keywords: Smolensk region; merchant class; Napoleonic wars.

¹ Работа подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-49-670005 p_a.